

ренкова, посвящ. скульп. С. Д. Эрзе (авторы Л. — В. Есьман и К. Крикорян). В 1990 состоялась постановка оперы-балета «Невеста грома» Акимова и Р. Г. Губайдуллина на рус. яз. В отличие от одноим. муз. драмы в Л. (автор — Ю. А. Эдельман) были усилены социальные мотивы и более драматизировано действие.

В истории мордов. Л. есть случаи, когда его авторами становились композиторы и др. представители муз.-сценич. иск-ва. Это, напр., Г. И. Сураев-Королёв (Л. для собств. фантастич. оратории «Последний суд», 1972); М. И. Фроловский (Л. для созданных Вдовиным оперы по киносценарию В. М. Гусева «В шесть часов вечера после войны», 1975; муз. драмы «Ветер с Понизовья» по пьесе «Литова» Кириллова, рус. текст П. А. Железнова, 1981); В. Ф. Ирченко (г. Пермь) (Л. для вок.-хореографич. театрализов. представления «Мордовская свадьба» Н. В. Кошелевой, 1980); Вдовин (1986, Л. для своей камерной оперы «Пасынок судьбы», по одноим. драм. пьесе Я. В. Апушкина о жизни мордов. поэта А. И. Полежаева); М. Н. Фомин (Л. на эрзя-мордов. и рус. яз., для собств. лирико-эпич. оперы «Сияжар», по мотивам одноим. поэмы В. К. Радаева, 1995); В. В. Долгов (2002, Л. для второй оперы композитора «Патриарх Никон», по одноим. роману М. А. Филиппова и жизнеописанию патриарха, составл. И. К. Шушериним); Ю. А. Кондратенко (Л. для нац. балета в 2-х действиях и 6 картинах «Алёна Арзамасская» Кошелевой, 2001 (премьера 2012). Первонач. вариант Л., состоящий из 2-х действий и 5 картин, написан С. И. Гурарием, оба текста, заметно отличающиеся друг от друга, основаны на свободной трактовке сюжета; Л. для поставл. в 2020 балета-сказки «Мордовская легенда» Кошелевой,

основано на мордов. фольклоре, с использованием картин нар. сцен, обрядов и праздников).

Лит.: ЛЭТП; Мордовия: энциклопедия. Саранск, 2003 — 2004. Т. 1 — 2; **Бояркина Л. Б.** Мордовская музыкальная энциклопедия. Саранск, 2011.

И. И. Шеянова.

EDN OUTKIW

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ, носитель переживания, особой формы выражения авт. сознания, характеризующегося преобладающими над вымыслом искренностью, исповедальностью, своего рода документальностью; образ, с помощью которого поэт рассказывает читателю о своих эмоциях и переживаниях, передаёт собств. видение мира и заявляет о личных убеждениях. На основе Л. г. создаётся целостное представление о творчестве поэта. В отд. произв. Л. г. не свойственна многогранность. Он вырастает из текста лирич. композиций (цикл, книга стихов, лирич. поэма, вся лирика) как рельефно очерч. фигура или жизн. роль, как лицо, надел. конкретной индивидуальной судьбой и психол. отчётливостью внутр. мира. Л. г., как правило, не имеет бытийных черт: портрета, имени, возраста, иногда и пола. Он может существовать только в худож. времени и пространстве, вымысл. автором. Термин «Л. г.» был введён в теорию лит-ры в 1921 Ю. Н. Тыняновым применительно к лирике А. А. Блока. По мнению исследователя, Л. г. — это «посредник, миф о поэте, созданный им самим. Личность поэта при этом обладает идеальным содержанием, отвлечённым от приобретённого жизненного опыта» (Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 119). Термин начал широко употребляться в критике с кон.

1940-х гг. С этого времени понятие о Л. г. получило развитие в лит-ведении. В. А. Назаренко, Д. Е. Максимов, Г. А. Гуковский и мн. др. лит-веды в ходе дискуссий на страницах ж. «Звезда» и «На рубеже», «Лит. газеты» высказывались против использования данного термина, т. к., по их мнению, он узаконивал некий разрыв между реальной жизн. практикой поэта и его творчеством, рождал неверное представление о поэте как о лицеде, скрывающем истинное лицо под серией вымышл. «лирических масок». В дальнейшем разработкой проблемы Л. г. как одной из форм авт. сознания стали заниматься Л. Я. Гинзбург, Б. О. Корман, С. Н. Бройтман, И. Б. Роднянская и др., утверждавшие, что образ поэта в лирике условен и включает в себе элемент вымысла в той же мере, в какой условен любой худож. образ, но эта условность не вступает в противоречие ни с правдивостью образа, ни с искренностью поэта. Л. г. воплощает в себе не только неповторимые черты личности поэта, но и определенное обобщение, поэтому недопустимо отождествлять его с конкретным автором. Часто Л. г. близок к автору по складу личности, характеру переживаний, испытываемых чувств, но различие между ними принципиальное и всегда сохраняется. Несмотря на то, что термин «Л. г.» вошёл в лит-ведение и его целесообразность практически не подвергается сомнению, содержание и границы по-прежнему остаются спорными. Смысловая значимость данного понятия заключается в том, что на его основе формируется представление о творч. процессе в лирике.

Проблема Л. г. в определённой мере затрагивалась и в работах мордов. исследователей В. В. Горбунова, А. В. Алёшкина, О. В. Кузнецовой, О. И. Нал-

деевой, А. М. Каторовой, Н. Н. Лёвиной, С. В. Шеяновой, С. П. Гудковой и др.

Наиболее яркий собират. образ Л. г., созвучный с образом самого автора и изображаемого им мира в целом, представлен в творчестве поэтов Мордовии И. М. Девина, И. Н. Кудашкина, С. В. Кинякина, А. В. Арапова, К. В. Смородина и др. Так, в отд. лирич. произв. Девина («Монь масторозе» — «Моя земля», «Кода парчень пандомс» — «Как добро твоё оплатить», «Сенемас» — «Синева», «Ичкоздень ки» — «Далёкий путь») передаются различные состояния внутр. мира, но в совокупности они формируют определённый тип лирич. характера. Л. г. Девина — сильный духом человек, крепко связ. с родной землёй. Л. г. Кинякина, давно ставший городским жителем, в воспоминаниях часто возвращается в деревенское детство и юность и задумывается о прожитых годах («Вальмат» — «Окна», «Васенцеда» — «Впервые»). Для него характерна жажда познания человек. жизни в разрезе мировой истории. Отличит. чертой поэм Кудашкина, сыгравшего заметную роль в развитии жанра лирич. поэмы в мордов. лит-ре («Лихтибратне шавихть пайкт» — «Родники бьют в колокола», «...А Волгась шуди» — «...А Волга течёт», «Тон прать, штоб эрямс (корхтнемат алязень марта)» — «Ты упал, чтобы жить (беседа с отцом)», «Апак кучт сёрмат» — «Неотправленные письма», «Пизел пораса толгьярмаст» — «Костёр рябины красной», и др.), стала цельность образа Л. г. Он искренен и честен с читателем, заставляет его думать и сопереживать. Л. г. Кудашкина присущи покоряющая душу доброта, любовь к Родине, стремление к человечности, осознание значимости взаимопонимания и поддержки людей. Он неподдельно радуется и весне,

и сиянию лета, и осени, и белоснежному убору зимы, всему тому, чем богата родная земля. Л. г. Арапова — это человек, умудрённый жизн. опытом, ощущающий себя частицей природы. С помощью данного образа поэт познаёт и раскрывает тайну внутр. мира человека, его душу, нередко закрытую от посторонних глаз. В лирич. поэзии Арапова слияние природного и внутр. мира Л. г. доходит до неразличимости, что подчёркивает единую сущность этих начал («Ушось авардсь-авардсь — лоткась...») — «Улица плакала-плакала — перестала...», «Прянтъ мон сорновтса...» — «Головой я трягну...», «Сезян куяр, кона мери лелей...» — «Сорву огурец, который скажет: брат...», и др.). Л. г. Смородина в процессе творч. развития автора приобретает новые черты и качества. Так, сначала для его Л. г. основополагающими являлись такие ценности, как мир детства, друзья, близкие люди, образ родного дома; он был счастлив от воспоминаний светлых дней прошлой жизни и благодарен ей за душевный покой, ощущение счастья. Радость бытия дополняло чувство взаимной любви, к-рая придавала его жизни светлые краски (лирич. циклы «Крымский цикл», 1986 — 2010; «Повторение пройденного», 1989 — 96). В дальнейшем, после утраты гл. ориентира в жизни (цикл «Второе дыхание», 2016), Л. г. Смородина заново учится видеть человек. суть («Раньше были души, как реки...»), понимать онтологич. основу рус. народа («Мы — русские и с нами Бог!»), давать отчёт своим чувствам и переживаниям («Всё казалось, что я — молодой», «Что мне Цветаева и Мандельштам...»), «Стихи — это формула моего состояния», и др.); он осознаёт ничтожность масштаба своих бед и мук по сравнению

с тем тернистым путём, к-рый прошёл Иисус Христос ради спасения человечества («Нет ни мечты, ни надежды...»). В целом Л. г. в лит. произв. играет важную роль посредника между читателем и изображ. поэтом миром или лит. маской автора, через лирич. «я» последний может показывать читателю, каким бы хотел быть сам.

Лит.: КЛЭ. Т. 4; ЛЭС; ЛЭТП; **Назаренко В. А.** О так называемом «лирическом герое» // Звезда. 1953. № 10; **Максимов Д. Е.** Образ поэта в лирическом творчестве // На рубеже. 1954. № 6; **Гуковский Г. А.** Реализм Гоголя. М.; Л., 1959; **Гинзбург Л. Я.** О лирике. М.; Л., 1964; **Горбунов В. В.** Поэзия — душа народа. Саранск, 1973; **Тынянов Ю. Н.** Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977; **Алёшкин А. В.** Единство традиций. Саранск, 1978; **Корман Б. О.** Литературоведческие термины по проблеме автора. Ижевск, 1982; **Кузнецова О. В.** Формирование и развитие жанра поэмы в мордовской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1982; **Бройтман С. Н.** Лирический субъект // Введение в литературоведение: Лит. произведение: основ. понятия и термины / под ред. Л. В. Чернец. М., 2000; **Тодоров Л. В.** Новая педагогика изящной словесности для грядущего. М., 2003; **Штраус А. В.** Лирический герой (теоретический термин в поэтической практике) // Филолог. [Пермь]. 2005. № 1; **Роднянская И. Б.** Движение литературы. М., 2006. Т. 1; **Утяев А. Ф.** Лирический герой современной башкирской поэзии. Стерлитамак, 2012; **Налдеева О. И.** Современная мордовская поэзия: основные тенденции и художественные ориентиры. Саранск, 2013; **Сахневич М. С.** К вопросу о формах авторского сознания в лирике // Вопросы рус. лит-ры. [Симферополь]. 2014. № 29; **Иванова Е. Ю.** Опыт осмысления категории «лирический герой» в художественном мире поэта (некоторые аспекты) // Культура. Духовность. Общество. [Новосибирск]. 2015. № 19; **Каторова А. М.** «Второе дыха-

ние К. Смородина): обусловленность переживаний лирического героя жизненными перипетиями // Вест. НИИ гуманитар. наук при Пр-ве РМ. [Саранск]. 2017. № 1 ; **Шеянова С. В.** Модель взаимодействия мира и лирического субъекта в поэзии Л. Рябовой (сборник «Кие тон?» («Кто ты?»)) // Вест. угроведения. [Ханты-Мансийск]. 2018. Т. 8, № 2 ; **Лёвина Н. Н.** Специфика выражения индивидуально-авторского сознания в поэзии В. Нестерова (на материале сборника «Пейзажа паксая моронза» («Песни бесконечного поля»)) // Там же. № 4 ; **Гудкова С. П., Самойленко В. А.** Художественные особенности любовного лирического цикла в современной русской поэзии Мордовии // Там же. 2020. Т. 10, № 1 ; **Антонов Ю. Г., Карпов Н. В.** Мотивно-образный мир лирики Дмитрия Таганова // Ежегодник фин.-угор. исследований. [Ижевск]. 2022. № 3.

И. И. Шеянова.

EDN OYЕJQI

ЛИРИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ, в стихотв. произв. собеседник, сподвижник или адресат *лирического героя*; специфическое, в эстетич. смысле сложное и значимое явление поэзии. Возможность использования термина «Л. п.» при анализе лирич. произв. впервые была обоснована одним из ведущих отеч. теоретиков лит-ры Г. Н. Поспеловым. Он утверждал, что персонажи присутствуют в стихотворениях, где «объектом лирической медитации становится отдельная личность, воплощающая в себе характерность социального бытия, обладающая какими-то индивидуальными чертами, а иногда и собственным именем и поэтому достойная названия „персонажа“ произведения» (Поспелов Г. Н. Лирика среди литературных родов. М., 1976, с. 151). Учёный выделил особую разновидность лирики — «персонажную», к к-рой причислил послание, эпи-

грамму, мадригал, эпитафию, надпись на книге и др. стихотв. жанры, предполагающие обрисовку определённого лица. В нач. 21 в. целесообразность применения понятия «Л. п.» в лит-ведч. и метод. науке была аргументирована изв. учёным Л. В. Тодоровым.

Типология Л. п. достаточно разнообразна, может быть представлена как реальными ист. и биографич. лицами, так и вымышленными, порождёнными творч. воображением поэтов. Вместе с тем, по мнению Тодорова, Л. п. в зависимости от выполняемых ими функций можно объединить в две группы: самодостаточные и играющие подчинённую лирич. герою роль. Наиболее распростран. разновидностью самодостаточного Л. п. является собеседник лирич. героя, реальный или воображаемый, имеющий, как правило, немаловажное худож.-эстетич. значение. Прямые диалоги с персонажами-собеседниками в поэзии встречаются достаточно редко. Классич. пример — образ генерала, с к-рым беседует лирич. герой стих. «Железная дорога» Н. А. Некрасова. Этот персонаж введён автором для того, чтобы вернее и колоритнее выразить демократич. взгляды на роль народа в истории. Иногда собеседник необходим автору для более яркого выражения собств. мыслей и переживаний. В мордов. лит-ре образцом может служить стих. «Тонавтомак, тетяй, тонавтомак...» («Научи меня, отец, научи...») А. В. Арапова. Л. п., к к-рому прямо обращается герой, способствует отображению взглядов поэта на сложность чело-веч. взаимоотношений. Др. примеры, в частности, показа личных мироощущений при обращении поэта к Л. п., встречаются в сб. «Послания к Анне» К. В. Смородина: «Ты была бальзамом на мои язвы...», «Моё солнышко, моя